

С. Г. Карлюк

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КЛАССИЧЕСКИХ АФИН: ФУКИДИД И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ ОБ ОСТРОВАХ И ОСТРОВИТЯНАХ*

Природно-географическая среда оказала весьма заметное влияние на формирование и развитие Афинского государства, и Афины не были исключением в мире древнегреческих полисов. Особенностью географического положения Аттики была «открытость» ее сухопутных границ при значительной протяженности береговой линии. Противоречие между «сухопутной» и «морской» ориентацией проявляются уже в архаический и раннеклассический периоды. Со времени Фемистокла (480-е годы до н.э.) Афины становятся ведущей морской державой со значительным флотом, возглавляют Делосскую симмахию (первый Афинский морской союз), в состав которого входили прежде всего островные и прибрежные полисы. При Фемистокле и Перикле (т.е. к середине V в. до н.э.) Афины и новопостроенный порт Пирей были связаны узким коридором так называемых Длинных стен, что позволило обеспечить снабжение города морем при осаде с суши. Это – общеизвестные факты. Проблема заключается в том, как и насколько они повлияли на психологию афинского гражданского коллектива, на восприятие афинянами географического и геополитического положения Афин и Аттики в целом.

В начальный период Пелопоннесской войны Афины были ближе всего к своей цели – достижению гегемонии над всей Грецией, господство афинян на море (во всяком случае, до Сицилийской катастрофы 413 г.) не подвергалось сомнению. Именно в этот период влияние «морской» составляющей могло быть наибольшим; но именно в конце V – начале IV в. до н.э. была написана как «История» Фукидида, так и сочинения его старших (Геродот, Аристофан, неизвестный автор Псевдо-ксенофоновой «Афинской политики») и младших (Ксенофонт, Лисий) современников. Поэтому изучение восприятия природно-географической среды в классических Афинах мы начинаем с исследования концепта острова или, попросту говоря, представления об островах и отношения к островитянам, которое сложилось у афинских авторов в конце V – начале IV в. до н.э., основное внимание уделив труду Фукидида.

«Теоретический» подход к островам, изучение восприятия островов почти не привлекали внимания исследователей античности, и только в последнее время

* Данная работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 04-06-80279). Выражаю глубокую признательность Дому наук о человеке (Париж) за возможность работать в Библиотеке Жерне-Глотц, а также Морису Эмару и Франсуа Артогу.

появились работы, пусть и немногочисленные, в указанном направлении¹. Впрочем, существуют и более традиционные, востребованные наукой и ранее, подходы к изучению островов в древней Греции. Прежде всего, это мифологический (героико-мифологический). В рамках подобного подхода, к примеру, Роже Дион рассмотрел связь мифологических и эпических сюжетов (связанных с Ясоном, Одиссеем и т.п. и имеющих отношение к островам) с реалиями греческой колонизации и соперничеством греческих полисов в архаический период². Однако подобный подход иногда используется и авторами, труды которых имеют сомнительную научную ценность. Пример тому – книга Сильви Вилат, посвященная проблеме восприятия островов в греческой мысли³. Французская исследовательница пытается, основываясь на трудах классиков французской школы культурной антропологии (Клода Леви-Строса) и французской исторической школы (Люсьена Февра), построить некую концепцию. Увы, это – попытка с явно негодными средствами.

Автор утверждает (на основании поверхностного знакомства с древнегреческо-французским словарем), что термина, аналогичного французскому *insularité*, в древнегреческом языке не существовало⁴. Конечно, это так; если бы автор книги была хоть немного знакома с древнегреческим языком и текстами античных авторов, она смогла бы обнаружить понятие «островное положение» (*τὸ νησιωτικόν*) у Фукидида (VII. 57. 7), не говоря уже о названии пятой книги («Островная», *τὰ νησιωτικῆ*) «Исторической библиотеки» Диодора (Diod. V. 2. 1). Таким образом, греческие авторы пытались делать и теоретические обобщения. Впрочем, для автора книги «греческая мысль» заканчивается на Пиндаре и Вакхилиде. Причина понятна: если для архаической эпохи можно хоть как-то пытаться интерпретировать мифологические сюжеты с точки зрения культурной антропологии, то Фукидида с Ксенофонтом интерпретировать с точки зрения предложенной Леви-Стросом концепции «мудрости дикаря» совсем сложно. Неудивительно, что авторы вышедших позже статей в специальных энциклопедических словарях игнорируют данную книгу.

В последние десятилетия развивается также комплексный археологический подход к изучению отдельных островов, например, Мелоса (Ренфрю)⁵, Теноса (Ролан Этьен)⁶. Этот подход при расширении охвата может привести к подлинному научному прорыву, однако его осуществляют прежде всего археологи, и исторические изыскания их интересуют в значительно меньшей степени, нежели демографические, экономические, почвоведческие и прочие штудии. К тому же масштаб рассмотрения при подобном подходе столь велик, что весь античный период (или по крайней мере архаический вместе с классическим)

¹ Hornblower S. *Islands* // *The Oxford Classical Dictionary* / Ed. S. Hornblower, A. Spawforth. 3rd ed. Oxf., 1996. P. 769; Gabba E. *True History and False History in Classical Antiquity* // *JRS*. 1981. 71. P. 50–62. Историографию вопроса см. Карпюк С.Г. *Νησιωτικῆ* на современном этапе: изучение политической географии островов классической Греции // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Вып. 4. СПб., 2005 (в печати).

² Dion R. *Aspects politiques de la géographie antique*. P., 1977.

³ Vilatte S. *L'insularité dans la pensée grecque*. P., 1991 (*Annales littéraires de l'Université de Besançon*, 446).

⁴ *Ibid.* P. 7.

⁵ *An Island Polity, The Archaeology of Exploitation of Melos* / Ed. C. Renfrew, M. Wagstaff. Cambr., 1982.

⁶ Étienne R. *Ténos II. Ténos et les Cyclades du milieu du IVe s. av. J.-C. av. J.-C. au milieu de IIIe s. ap. J.-C.* Athènes–Paris, 1990.

может рассматриваться как единое целое, что делает исторические изыскания невозможными и ненужными⁷.

Итак, чтобы понять, как воспринимали острова и островитян афинские граждане в конце V в. до н.э., следует обратиться к афинскому театру: афинские драматурги чутко улавливали настроение своей аудитории.

Достаточно многочисленны упоминания островов и островитян в трагедиях Еврипида, причем почти все они носят тривиально географический характер. В «Гекубе» упоминаются незаселенные острова (стк. 1285), в «Ресе» – россыпь островов (Спорады – стк. 701), в «Ифигении в Авлиде» – цепь островов (стк. 287), в «Троянках» – островная земля (стк. 188). Тевкр в «Елене» сообщает, что Аполлон велел дать Саламину Кипрскому «островное имя» (ὄνομα νησιωτικόν) в честь острова Саламин (стк. 149). В «Андромахе» (стк. 1285) и в «Елене» упоминается остров блаженных (μακάρων νῆσος), причем в последнем случае вполне реальный островок Елены недалеко от побережья Аттики (стк. 1673) противопоставляется острову блаженных, который вскоре по воле рока получит Менелай (стк. 1677). Можно, конечно, истолковать упоминание островитянина Неоптолема, который коварно увез из Трои Андромаху (Andr. 14), как характеристику особого коварства островитян, но это было бы явной натяжкой.

Только в одном случае слово «остров» несет дополнительную смысловую и эмоциональную нагрузку: в «Гераклидах» неведомо откуда появившийся на побережье Иолай объясняет изумленным марафонским поселянам, что он прибыл не с острова, а напрямик из Микен (стк. 84). Обитателям Марафона островитяне (причем, очевидно, даже не жители ближайшей Эвбеи) представлялись опасными разбойниками, что соответствовало героико-мифологическому представлению о жителях островов, вполне подходящему к сюжету «Гераклидов».

Конечно, невозможно обойти и не исследовать в интересующем нас аспекте сочинения Аристофана; комедиограф только один раз упоминает остров в чисто географическом контексте: в «Ахарнях» (Ленеи, 425 г.) предводитель хора предостерегает афинян от заключения невыгодного мира со спартамцами:

Вам поэтому мир предлагают сейчас и условием ставят лаконцы
Наш отказ от Эгины. Не то, чтоб они чрезвычайно пеклись об Эгине –
Здесь не в острове дело. Желают они отобрать у афинян поэта
(стк. 652 слл., пер. С. Алта).

Да и то контекст чисто географическим назвать нельзя – на Эгине после начала Пелопоннесской войны была афинская клерухия, возможно, семья Аристофана имела к ней какое-то отношение. Характерно, что на Эгине в 427 г. родился Платон. Кроме того, в комедии «Осы» (Ленеи, 422 г.) упоминаются «острова блаженных (μακάρων ... νῆσοις – стк. 639–640).

Остальные же упоминания островов Аристофаном вписываются в политико-географический «имперский» контекст – острова рассматриваются как неотъемлемая часть Афинской архэ. Эвбея, как уже было отмечено выше, была

⁷ Демография островов Восточного Средиземноморья, прежде всего современная (о древности лишь несколько пассажей), рассмотрена в фундаментальном исследовании: Kolodny E.E. Population des îles de la Grèce. Essai de géographie insulaire en Méditerranée orientale. T. 1–2. Atlas. Aix-en-Provence, 1974. Представляет интерес и недавно появившееся исследование процесса синойкизма на островах, но и в данном случае не выявляется специфика островных полисов. См. Reger G. Islands with One Polis versus Islands with Several Poleis // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. 4 / Ed. M.H. Hansen. Copenhagen, 1997. P. 450–492.

приведена к покорности героем «Облаков» (Великие Дионисии, 423 г.) Стрепсиадам заодно с Периклом (сткк. 212–213). Вообще острова рассматриваются как вотчина афинских демагогов. Во «Всадниках» (Ленеи, 424 г.) Демосфен предлагает Колбаснику, грядущему политическому лидеру Афин, посмотреть вниз на все острова вокруг (καὶ κάτωθε τὰς νήσους ἀπόσας ἐν κύκλῳ – стк. 170) и уверяет, что все они, вместе с торговыми кораблями и т.п., будут распроданы пришедшим к власти Колбасником (стк. 169 слл.)⁸.

Тот же самый Колбасник, пытаясь отгеснить Клеона от власти над островами, читает Демосу пророчество о Клеоне, который обвиняется в том, что «вылижет миски и острова (τὰς λοπάδας καὶ τὰς νήσους διαλείχων)» (стк. 1034). Как считают комментаторы, в данном пассаже Колбасник обвиняет Клеона в получении денег с островов, попросту говоря, в получении мзды от союзников за снижение суммы фороса⁹. И здесь острова вновь рассматриваются как неотъемлемая часть Афинской державы, причем в данном случае понятие «острова» метафорически переносится на всех афинских союзников, многие из которых располагались на материке.

Сам Демос имеет титул «защитника (покровителя) островов», и Старший всадник к нему обращается соответственно:

О, светоч священных Афин, защитник островов!
(ὦ ταῖς ἱεραῖς φέγγος Ἀθῆναις καὶ ταῖς νήσοις ἐπίκουρε)
(стк. 1319).

Получается что-то похожее на постоянный эпитет у Гомера: афинский демос – защитник островов по определению, причем, конечно же, имеются в виду подвластные острова.

В другой комедии, «Птицы» (городские Дионисии, 414 г.), один из персонажей, получает прибыль от такого положения. Он откровенно говорит о себе:

Я – судебный пристав «по островам», заодно и доносчик
(κλήτηρ εἰς νησιωτικὸς καὶ συκοφάντης) (сткк. 1422–1423).

Он рассчитывает воспользоваться крыльями от Писфетера для того, чтобы эффективнее облетать союзные города и пугать судом союзников¹⁰.

Наконец, в «Мире» (Великие Дионисии, 421 г.) жители островов в числе других групп афинского населения ссылаются Тригеем для вызволения Эйрене, богини мира:

Эй, земледельцы, торговцы, и мастера,
И ремесленники, и метеки, и ксены,
И островитяне...
(ἀλλ' ὦ γεωργοὶ, κἀμλοροὶ καὶ τέκτονες
καὶ δημιουργοὶ καὶ μετοῖκοι καὶ ξένοι
καὶ νησιῶται...)

(сткк. 296–298).

Островитяне здесь поставлены на последнее, совсем не почетное, место, вслед за ремесленниками и метеками...

⁸ Переводчик и комментатор Аристофана Соммерстейн утверждает, что аналогов подобного обзора сверху в греческой литературе нет и находит библейские аналогии (*Aristophanes. Knights* / Ed. A.H. Sommerstein. Warminster, 1981. P. 152). Но одна аналогия, хотя и нелитературная, напрашивается: это – вид с афинского Акрополя на Эгину и другие острова в Сароническом заливе.

⁹ Ibid. P. 159.

¹⁰ *Aristophanes. Birds* / Ed. Nan Dunbar. Oxf., 1995. P. 678.

А в манифесте миротворческих усилий поэта сами Афины рассматриваются уже в ряду других островов. Поэт, обращаясь к зрителям, говорит устами предводителя хора, что вступил с чудищем войны в смертельную битву «ради вас и других островов (ἀλλ' ὑτέρ ὑμῶν πολέμιζων ἀντείχων ὅαί καὶ τῶν ἄλλων νήσων)» (стк. 760). Аристофан обращался прежде всего к афинским зрителям, но, кроме них, на Великие Дионисии приезжали и союзники-островитяне¹¹. В этом контексте точка зрения комедиографа, поставившего своих сограждан в один ряд с островитянами, кажется вполне уместной; понятно и то, почему союзники-островитяне занимали последнее место в этом ряду. Аристофан, который чутко улавливал настроения внутри афинского гражданского коллектива в годы Пелопоннесской войны, рассматривал острова как часть Афинской державы, и «остров» был для него синонимом полиса – члена Афинской архэ.

Таким образом, восприятие островов в афинском театре зависело от жанра пьесы: если в трагедии, что определялось ее сюжетом, острова воспринимались в героико-мифологическом контексте, то древняя комедия давала примеры политической географии: представления об островах как о неотъемлемой части Афинской архэ.

Обратимся теперь к сочинениям историков. Совершенно неудивительно, что в труде Геродота мы встречаем множество (кстати, примерно столько же, сколько и у Фукидида, – 160) упоминаний об островах и островитянах¹²: задачи «Истории» Геродота диктовали их описание, а сам галикарнасский историк был хорошо знаком уж по крайней мере с островами Эгейского моря. Не случайно паводок в Египте он сравнивает со знакомой ему картиной: «Когда Нил затопляет страну, только одни лишь города возвышаются над водой почти как острова в нашем Эгейском море» (III. 97, пер. Г.А. Стратановского).

Подобно другим греческим авторам, Геродот одним и тем же словом – νῆσος – обозначает и острова на море (passim), и речные острова (II. 29, 41, 127, 138, 140, 156, 165, 166 и т.д.), и острова на озере (IV. 178). Историк не очень хорошо ориентируется в величине островов: он считает наибольшим из них Сардон (Сардинию) (I. 170; V. 106), а также полагает, что Эвбея по размерам не меньше Кипра. Остров – понятие естественное и неизменное, и, когда жители расположенного на полуострове малоазийского Книда собирались из-за угрозы персидского нашествия перешеек перекопать, Пифия им запретила это делать:

Зевс создал остров тут, коль только б захотел! (I. 174).

Впрочем, персидский царь Ксеркс также пожелал, путем прорытия канала, превратить греческие поселения на Афоне из материковых в островные (VII. 22).

Подавляющее большинство упоминаний островов и островитян у Геродота носит отчетливо географический характер и не имеет какого-либо политического либо иного «идеологического» подтекста (например, I. 64, 82, 142 и т.п.). Жители островов (νησιῶται) – ионийцы-островитяне (как и эолийцы-островитяне) специально выделяются Геродотом, в противоположность своим соплеменникам – жителям Малой Азии (I. 143, 151; VII. 94–95). Островитяне могли составлять отдельную филу, как это было, например, в Кирене (IV. 161).

¹¹ Во время этого праздника афинские союзники участвовали в специальной церемонии «принесения дани». См. *Родс П. Дж.* Афинский театр в политическом контексте // ВДИ. 2004. № 2. С. 43–44.

¹² *Powell A. A Lexicon to Herodorus.* Hildesheim, 1966. S. 231.

Однако очень часто под «островами» Геродот понимает именно острова Эгейского архипелага (например, Ш. 96)¹³. Подобное же понимание прослеживается в другом пассаже: «Со времени героической эпохи по крайней мере до Поликрата никто не стремился покорить Ионию и острова» (Ш. 122). За те же самые персидские владения сражались греки при Микале: Геродот указывает, что «наградой за победу были острова и Геллеспонт» (IX. 101). Те же самые острова после этого стали членами Эллинского союза – предшественника Афинской архэ: «Так что были приняты в Эллинский союз также самосцы, хиосцы, лесбосцы и прочие островитяне, сражавшиеся вместе с эллинами» (IX. 106).

Впрочем, иногда Геродот сужает понятие «острова» до Киклад (V. 31); он специально отмечает, что среди островитян, давших Дарию землю и воду, были и эгинцы (VI. 49)¹⁴ – таким образом подчеркивая положение Эгины вне Киклад, на которые и распространялось персидское влияние. В перечне войск и флота Ксеркса указывается, что ионийцы выставили 100 кораблей, а жители островов – 15 (VII. 94–95). Очевидно, что в данном случае имеется в виду «островная» часть персидских владений в Эгеиде, не включавшая в себя «ионийские» и «эолийские» острова (Хиос, Самос, Лесбос и др.) и соответствующая «островному» податному округу Афинской архэ. В подобном «политико-географическом» подходе к островам «отец истории» является предшественником Фукидида и Ксенофонта.

Фукидид, как и Геродот, достаточно часто (около полутора сотен раз) использует в своей истории слова «остров» и «островитяне». На первый взгляд, подобное словоупотребление кажется достаточно тривиальным: как и для других греческих авторов, остров – это суша, окруженная водой, а островитяне – обитатели этой суши. И, конечно же, большинство упоминаний островов в «Истории» носят тривиально-географический характер (I. 4. 1; 5. 1; 44. 3; 47. 1; II. 66. 1; 102. 3; III. 33. 3; 104. 1–2; IV. 44. 6; VIII. 17. 3 и т.д.). Например: «Ксеркс ... лишил свободы города на материке. Впоследствии Дарий с помощью финикийского флота покорил также и острова» (I. 16). Фукидид, как и его предшественник Геродот, одним и тем же словом νῆσος называет и острова на море, и речные острова¹⁵. Маленький, часто необитаемый островок, Фукидид называет νησίδιον (VI. 2. 6; VII. 23. 4; VIII. 11. 1). На острове может располагаться один либо несколько полисов: так, на острове Кефалления был тетраполис (τετράπολις), т.е. существовали четыре городские общины (III. 30. 2).

Впрочем, *остров* может приобрести и нарицательный смысл: так, остров Сфактерия стал для спартанцев символом постигшего их несчастья: «Кроме того, непрерывные удары судьбы, неожиданно обрушившиеся на лакедемонян, совершенно ошеломили их, и они находились теперь в вечном страхе, как бы их снова не поразила такая же беда, как на острове (ἐν τῇ νῆσῳ)» (IV. 55. 3;

¹³ Не случайно к данному месту в классическом комментарии У. Хау и Дж. Уэллса дается специальное разъяснение: «т.е. греческие острова Эгейского моря» (*How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. I. Oxf., 1936. P. 287.*)

¹⁴ По мнению Хау и Уэллса, выражение πάντες δὲ νησίται (VI. 49. 1) может относиться ко всем Кикладам, кроме Наксоса и Делоса (*How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. II. Oxf., 1936. P. 82.*)

¹⁵ Мегабиз «изгнал эллинов из Мемфиса и запер их на острове Просопитиде. Полтора года вел Мегабиз осаду острова, пока, наконец, ему не удалось осушить канал, отведя воду в другое место, и посадить эллинские корабли на сушу, превратив большую часть острова в материк. После этого он перешел с войском на остров по суше и захватил его» (*Thuc. I. 109. 4; ср. II. 102. 3 – острова в устье Ахелоя.*)

ср. IV. 8. 9; 13–14; 16. 1; 17. 1; 19. 1 и т.п.)¹⁶. И предпосылкой Никиева мира было то, что лакедемоняне «потерпели на острове поражение, которого они никогда не испытывали» (V. 14. 3; ср. V. 24. 2; 34. 2; 35. 4; 43. 2; 75. 3). Сфактерия стала для спартанцев Островом с большой буквы, никаких пояснений к этому слову уже не требовалось¹⁷. В данном случае уже проявляется военно-политический оттенок островного положения.

В «Археологии» Фукидида встречается и порядком подзабытое отношение к островитянам как к разбойникам и пиратам: «Разбойниками были островитяне – карийцы и финикийцы, – поселения которых находились на большинстве островов» (I. 8. 1). Но подобное отношение, с точки зрения Фукидида, было характерно для героико-мифологического прошлого (ср. Eur. Her. 84) и никак не влияло на современную историческую действительность. Да и в этом далеком прошлом материковые правители могли, подобно Агамемнону, властвовать над «тьмой островов» (Thuc. I. 9. 4).

Наконец, еще одно значение слова «остров» в наибольшей степени актуально и отражает политические реалии конца V в. до н.э. Общеизвестно, что острова составляли значительную часть Афинской архэ. Перикл говорил в одной из своих речей, что «...у нас много земли на островах и материке» (Thuc. I. 143. 4). Спартанский царь Архидам выразился еще более определенно: «Большинство афинских союзников – островитяне» (I. 81. 3).

Острова рассматриваются как территория, над которой Афины осуществляют свое господство, и соответственно островитяне – как подданные Афинской архэ по определению.

Примеров тому можно привести множество, и прежде всего знаменитый «мелосский диалог», в котором афиняне недвусмысленно заявляют мелосцам: «Мы господствуем на море и вы, как островитяне, должны нам подчиниться» (V. 97, пер. Г.А. Стратановского)¹⁸. В речи афинского посла Евфема есть характерные слова, свидетельствующие об уверенности афинян в легком подчинении именно островов: «Некоторые же хотя и островитяне (καίτερ νησιώτας ὄντας) и их легко покорить, вполне свободны, так как их острова расположены в важных пунктах для действий против Пелопоннеса» (VI. 85. 2).

Афиняне полагали, все островитяне должны по определению им подчиняться и более опасались никому не подвластных островитян (νησιώτας... ὀνόμαρκτους), нежели жителей материка (ὄσοι ἡπειρώται), которые еще долго будут медлить с мероприятиями для защиты своей свободы (V. 99).

Причина подчинения островов афинянам – τὸ νησιωτικόν (островное положение): «Из островов на западе около Пелопоннеса жители (νησιῶται) Ке-

¹⁶ Сфактерия отделена от полуострова на материке лишь узким проливом (Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. III. Oxf., 1956. P. 484–486). Но это именно остров, поскольку пролив оказался непреодолимым для спартанцев.

¹⁷ Спартанская «боязнь островов» продолжалась достаточно долго, см. Xen. Hell. VI. 2. 26.

¹⁸ См. также Thuc. III. 91. 2: «Афиняне намеревались подчинить мелосцев, которые хотя и были островитянами, но все же сопротивлялись афинянам и не желали вступать в союз с ними», V. 84. 2: «Мелос – лакедемонская колония, и жители ее не желали подчиняться афинянам подобно другим островитянам». Причина проста, и афиняне ее мелосцам приводят: «Маловероятно, чтобы при нашем господстве на море они (лакедемоняне. – С.К.) переправились на ваш остров» (V. 109). Афинские притязания на все острова даны в полном объеме в мелосском диалоге (Thuc. V. 97; 99; ср. IV. 121: афиняне – господа островитян). См. Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. II. Oxf., 1956. P. 393.

фаллении и Закинфа, хотя и независимые (αὐτόνομοι), но из-за своего островного положения более других подверженные нажиму афинян, были вынуждены присоединиться к ним ввиду господства последних на море (κατὰ δὲ τὸ νησιωτικὸν μάλλον κατειργόμενοι, ὅτι θαλάσσης ἐκράτουσιν οἱ Ἀθηναῖοι)» (VII. 57. 7).

Идеологическое обоснование подчинения островитян – их слабость, склонность к подчинению, неспособность самостоятельно отстаивать общегреческие интересы. Афинский посол Ефрем заявляет, что афиняне подчинили своей власти ионийцев и островитян совершенно справедливо, поскольку последние не имели мужества противостоять персам и поддержали их в войне против греков (VI. 82. 3).

Соответственно враги Афин считали островитян «слабым звеном» Афинской архэ. Спартанский полководец Гилипп, обращаясь к сицилийцам, числил островитян среди ионийцев и прочего сброда (Ἰώνων καὶ νησιωτῶν καὶ ξυγκλύδων ἀνθρώπων)» (VII. 5. 4)¹⁹. Когда же положение афинских сил в Сицилии стало критическим, Гилипп пытался добиться сдачи прежде всего островитян и велел «объявить через глашатая, что островитяне (οἱ ζῦμμοχοὶ πρῶτον μὲν τῶν νησιωτῶν) могут, если пожелают, переходить к ним (сиракузянам) на условиях сохранения свободы» (VII. 82. 1).

Афинский полководец Никий, напротив, стремился поддерживать гордость островитян, тем более, что островитяне составляли если не основу, то значительную часть афинского войска: «Действительно, если мы – аргосцы, мантинейцы, афиняне и главные представители островитян (νησιωτῶν οἱ πρῶτοι) – теперь объединились, неужели каждый из нас не должен быть уверен в победе...» (VI. 68. 2). Похоже, что островитяне составляли значительную, если не основную, часть афинского войска и в Сицилии (VII. 20. 2), и на Мелосе (V. 84. 1)²⁰.

Жителей каких островов афиняне преимущественно называли «островитянами» (понятно, что Фукидид выражал афинскую точку зрения)? В числе союзников афинян – «острова к востоку между Пелопоннесом и Критом и все остальные Киклады, кроме Мелоса и Феры» (II. 9. 4). Это – островитяне по-афински (к началу Пелопоннесской войны). Описание Афинской державы по податным округам дается Фукидидом в седьмой книге: «В числе подвластных и данников (афинян) находились: Эретрия, Халкида, Стира и Карист на Евбее; а из островов: Кеос, Андрос, Тенос, в Ионии: Милет, Самос, Хиос» (VII. 57. 4)²¹.

Когда Алкивиад с Тиссаферном потребовали отдать царю всю Ионию и все соседние острова (VIII. 56. 4), речь шла, очевидно, не обо всех островах, а лишь о прилегающих к Ионии. Если бы спартанцы действовали бы решительней после восстания на Евбее, то, как писал историк, «тогда Геллеспонт, Иония и все

¹⁹ Здесь «островитяне» осуждается не за их островное положение, а за то, что полисы Эгейды презирались дорийцами Пелопоннеса и дорийскими колонистами (Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. Oxf., 1970. P. 384). Гилипп лишь «переадресовал» обвинение, которое Алкивиад выдвинул против самих сицилийцев. В своей речи Алкивиад заявлял: сицилийские города «заселены перемешанными толпами», что является признаком их слабости (Thuc. VI. 17. 2). См. Карпюк С.Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 111.

²⁰ Возможно, острова Эгейского моря, поскольку не имели сухопутных границ и содержали больше населения, чем могли прокормить, стали обычным и наиболее простым источником пополнения экипажей кораблей и войск. См. Gomme A.W., Andrewes A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. IV. Oxf., 1970. P. 396.

²¹ Ср. Thuc. VIII. 43. 3 – представления спартанцев об «островах».

острова между Ионией и Евбеей, одним словом, вся Афинская держава попала бы в руки пелопоннесцев» (VIII. 96. 4). Очевидно, что в данном случае Фукидид дает географическое определение островных владений Афин.

Клазомены представляли собой особый случай, поскольку находились и на острове, и на материке одновременно (VIII. 14. 3). Афиняне, конечно же, были заинтересованы именно в островном положении Клазомен: «Афиняне... захватили на материке укрепленную клазоменцами Полихну. Жителей ее они перевели назад в город на острове. Так Клазомены снова присоединились к афинскому союзу» (VIII. 23. 6).

Все рассмотренные выше случаи свидетельствуют о том, что для Фукидида понятия «остров» и «островитяне» могли иметь и имели прежде всего политико-географическое значение. Однако по крайней мере они не противоречили собственно географическому значению, т.е. реальному положению островов. Обратимся теперь к примерам, когда географическое и «геополитическое» (т.е. политико-географическое) значения не совпадают.

Так, город Скиона с чисто географической точки зрения находился на материке: на полуострове Паллена – крайне западном полуострове Халкидики. Афиняне владели Потидеей, расположенной на перешейке этого полуострова. Однако, согласно Фукидиду, обе враждующие стороны – и спартанцы, и афиняне – рассматривали Скиону как островной полис. У спартанцев это сопровождалось оговорками и ссылкой на мнение афинян; Брасид, речь которого Фукидид приводит в пересказе, заявляет: «Действительно, скионцы, отрезанные на перешейке Паллены афинянами, владевшими Потидеей, и будучи никем иным, как островитянами (καὶ ὄντες οὐδὲν ἄλλο ἢ νησιῶται), все же добровольно перешли на сторону свободы и не стали трусливо дожидаться, пока их силой заставят сделать то, что совершенно очевидно пойдет им на пользу» (IV. 120. 3, пер. Г.А. Стратановского, с изменениями). Тот же Брасид «был уверен, что афиняне последуют за ним с кораблями на помощь Паллене, которую они рассматривали как остров (ἡγοῦμενος καὶ τοὺς Ἀθηναίους βοηθήσαι ἂν ὡς ἐς νῆσον)» (IV. 121. 2, пер. Г.А. Стратановского)²².

Точка зрения афинян (в передаче историка) была еще более определенной: после пермирии «...афиняне не пожелали идти на риск третейского разбирательства и решили немедленно выступить в поход. Действительно, афиняне были раздражены тем, что даже и живущие на островах отважились восстать против них (οἱ ἐν ταῖς νήσοις ἤδη ὄντες ἀξιοῦσι σφῶν ἀφίστασθαι), полагаясь на бесполезную для них сухопутную силу лакседемонян» (IV. 122. 5, пер. Г.А. Стратановского, с изменениями). Далее, совсем по сценарию, который был уже опробован на митиленцах, «по предложению Клеона афиняне немедленно постановили захватить Скиону и казнить жителей и стали готовиться к походу, оставив пока другие предприятия» (IV. 122. 6).

Таким образом, город Скиону афиняне рассматривали как находящийся на острове и соответственно как неотъемлемую часть Афинской державы, хотя в действительности Скиона была расположена на полуострове Паллена. В данном конкретном случае политическая география, геополитика в труде Фукидида решительно взяла верх над обычной, физической географией: материковое положение Скионы оказалось «упраздненным», поскольку афиняне контролировали Потидею (т.е. перешеек полуострова) и таким образом могли не допустить вме-

²² См. Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. II. Oxf., 1996. P. 379, 387.

шательства сухопутной державы (т.е. Спарты) в дела этого крайне западного полуострова Халкидики.

Расправа, учиненная афинянами над скионцами и мелосцами, стала обычным аргументом противников восстановления афинского господства. Уже в IV в. вынужденный оправдываться за родной город Исократ в «Панегирике» жаловался, что это обвинение буквально навязло на зубах (IV. 100). Навязло настолько, что даже Элий Аристид, много веков спустя, в середине II в. н.э. в «Панафинейской речи» (302–312) велеречиво, хотя и не очень убедительно, продолжал оправдывать деяния афинян. Гораздо более значимо с точки зрения нашей темы то, что Арриан в «Анабасисе Александра» под влиянием Фукидида также приписал Скионе островное положение: «Взятие Мелоса и Скионы, островных городков (νησιωτικά τε πόλιστατα), принесло больше позора победителям и не было большой неожиданностью для всей Эллады» (I. 9. 5, пер. М.Е. Сергеев)²³.

Таким образом, с точки зрения политической географии, «имперской геополитики» полуостров Паллена был на самом деле островом. Но, может быть, был и обратный пример? Такой пример есть, и это – Сицилия. Сицилия – остров. М. Финли начинает свою книгу о Сицилии, казалось бы, непререкаемым утверждением: «Сицилия – это остров»²⁴. Что тут можно возразить? Да и сам Фукидид, конечно же, называл Сицилию островом (VI. 1. 1, подчеркивая его уникальность из-за большого числа греческих поселений) и определял его размеры (VI. 1. 1–2)²⁵. Однако не все так просто, как кажется на первый взгляд. Сицилия – крупнейший остров Средиземноморья; его площадь превосходит площадь всех островов, входящих в настоящее время в состав Греции, и примерно на 20% больше площади полуострова Пелопоннес²⁶. Для греческого мира Сицилия не могла быть островом в обычном понимании этого слова: слишком она была велика и многолюдна; к тому же лишь очень узкий пролив отделял ее от материка (на что указывал сам Фукидид – VI. 1. 1), и само название «Великая Греция» для заселенных греками областей Сицилии и юга Италии говорит само за себя²⁷.

Характерно, что сам Фукидид называет Сицилию островом преимущественно в самом начале шестой книги, описывая догреческую историю Сицилии и ранние этапы освоения острова греками (VI. 1–2), затем он использует слова «остров» и «страна» (ἡ) попеременно, как синонимы (VI. 2. 5–6), а дальше он предпочитает называть ее не «островом», но «страной». Называя Сицилию «островом», он обязательно подчеркивает его уникальность, наличие множе-

²³ Интересен контекст: Арриан описывает ужас, который навел на греков Александр разгромом Фив в 335 г. и показывает, что ничего похожего по масштабу и воздействию на умы сами греки учинить не смогли. О Фукидиде и Исократе как источниках Арриана см. *Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxf., 1980. P. 88; Hornblower S. The Fourth-Century and Hellenistic Reception of Thucydides // JHS. 1995. 115. P. 50–51.*

²⁴ «Sicily is an island» (*Finley M.I. A History of Sicily. Ancient Sicily to the Arab Conquest. L., 1968. P. 3.*)

²⁵ Очевидно, преуменьшая их: путешествие вокруг Сицилии на тогдашнем корабле должно было занимать не 8 дней, как полагал Фукидид (VI. 1. 2), а более длительное время. С Геродота идет традиция считать Сардинию более крупным, чем Сицилия, островом (*Herod. I. 170; V. 106.*)

²⁶ Характерно, что Фукидид вкладывает в уста вождя сиракузских демократов Афинагора сравнение Сицилии с Пелопоннесом: «Сицилия скорее, чем Пелопоннес, выдержит большую войну» (VI. 37. 1).

²⁷ Австралию можно ведь тоже считать островом, как это делали французы в XIX в., она рассматривается как континент из-за ее размеров.

ства греческих поселений на нем (VI. 20. 2). В речи сиракузского политическо-го лидера Гермократа дается в сущности верное определение Сицилии с точки зрения политической географии: «Ведь мы соседи, живем на одной, омываемой морем, земле (ξυνοίκους μίᾱς χῆρας καὶ περιρρύτου) и носим одно общее имя сикелиотов...» (IV. 64. 3). Т.е. Сицилия – это земля, омываемая морем, на которой располагается множество полисов²⁸.

Фукидид был совершенно уверен, что его читатель не ошибется, не перепутает остров Сфакторию с Сицилией, когда писал: «Большая афинская эскадра, направлявшаяся в Сицилию, была отвлечена осадой острова [т.е. Сфактерии]» (IV. 24. 3). Сами же сицилийцы, по мнению Фукидида, ясно отделяли себя от «островитян» – подчиненных Афинам обитателей островов Эгейского моря: «При этом он (Гиалипп. – С.К.) просил воинов твердо помнить, что своей боевой силой и вооружением они не уступают врагу и что для них, обладающих воинской доблестью пелопоннесцев и дорян, невыносимо, если они будут не в состоянии одолеть и изгнать из своей земли ионян, островитян и прочий сброд (Ἴώνων καὶ νησιωτῶν καὶ ξυγκλύδων ἀνθρώπων)» (VII. 5. 4, пер. Г.А. Стратановского).

Итак, когда речь заходит о военно-политических реалиях своего времени, политическая география у Фукидида отгесняет на задний план географию тривиальную, физическую. Полуостров Паллена превращается у него в остров, а остров Сицилия превращается в континент²⁹. Для Фукидида, как и для других афинских авторов V–IV вв. до н.э., «островитяне» – прежде всего обитатели Киклад, входившие в пятый податный округ Афинской архэ. В более расширительном смысле – это все островные (и не только!) союзники Афин, т.е. подданные Афинской архэ. Причем Аристофан идет дальше Фукидида: для него «островитянин» – вообще синоним союзника, а Афины – один из «островов». В современной Фукидиду анонимной (Псевдо-ксенофонтной) «Афинской политике» сопоставляются преимущества и недостатки островного и материкового положения государства, причем соединенные Длинными стенами Афины и Пирей неизбежно воспринимаются автором как некое подобие острова (II. 2 и II. 13–16)³⁰.

Обратимся к сочинениям афинских авторов – младших современников Фукидида. Единственное во всем корпусе Лисия упоминание островов носит политико-географический характер: обвинитель Алкивиада Младшего припоминает «грехи» его отца, который «поехал на острова, чтобы вредить Афинам» (XIV. 30), причем далее упоминается Хиос, жителей которого Алкивиад так и не смог сделать друзьями (XIV. 36). «Островитяне» (νησιώται) не упоминаются Лисием вовсе. Конечно, содержание речей Лисия носило вполне «прикладной» характер, и отсутствие подобных упоминаний можно считать вполне естественным. Однако и в Демосфеновом корпусе на 22 упоминания островов приходится только 2 упоминания островитян (De Haloneso 15 и De corona 234). Это уже можно рассматривать как некую тенденцию, направленную на снижение числа упоминаний островитян. Не

²⁸ Ср. с отношением к Родосу. Пелопоннесцы «решили плыть на Родос, чтобы привлечь на свою сторону этот могущественный остров (ἐλπίζοντες νησὶν τε οὐκ ἀδύνατον)» (Thuc. VIII. 44. 1).

²⁹ Поэтому сопоставление острова Мелос с островом Сицилия, как это делает, к примеру, У. Коннор, не совсем корректно: Connor W.R. Thucydides. Princeton, 1984. P. 155.

³⁰ Еще Калинка в начале, а затем и Гомм в середине XX в., указывая на очевидный общий источник для Фукидида и Псевдо-Ксенофонта (Ath. pol. II. 14–16), предполагали, что таковым могла быть вполне реальная речь Перикла. См. Kalinka E. Die Pseudoxenophontische Ἀθηναίων Πολιτεία. Lpz.–B., 1913. S. 233; Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. Vol. I. Oxf., 1956. P. 461.

потому ли, что само слово «островитяне» (νησιῶται) ассоциировалось прежде всего с политико-географическим (а не просто с географическим) контекстом и почти перестало употребляться с закатом Афинской морской державы?

Употребление слов «остров» и «островитяне» Ксенофонтом мало отличается от Фукидидовского. Наиболее отчетливо это видно в «Анабасисе», где слово «остров» встречается – по понятным причинам – крайне редко, лишь дважды. Во второй книге содержится вполне тривиальное географическое упоминание острова между рекой Тигр и каналом, который мог бы стать временным пристанищем грекам (II. 4. 22). А в завершающей седьмой книге автор приводит свою собственную, обращенную к сотоварищам, речь, произнесенную в Византии, в которой он предостерегает их от возможной конфронтации со Спартой. В качестве аргумента он ссылается на судьбу Афин, которые, обладая огромными финансовыми и военными возможностями и «правя всеми островами» (ἄρχοντες δὲ τῶν νήσων ἅλασθῶν), войну со спартамцами тем не менее проиграли (VII. 1. 27). В данном случае это не столько риторическое преувеличение, сколько политико-географическая характеристика: под «островами» имеются в виду именно те, которые входили в Афинскую державу. Кстати, ни Ксенофонт, ни его слушатели не могли даже и помыслить о том, чтобы поставить Сицилию в один ряд со «всеми островами».

Значительно больше упоминаний островов содержит «Греческая история» Ксенофонта. Однако в явно тривиальном географическом смысле остров фигурирует там лишь дважды: в первом случае автор упоминает один из ближайших к Ализии островов (V. 4. 66), во втором – остров Керкиру, причем сама возможность быть застигнутыми врагами на острове пугала спартанцев (VI. 2. 26). Ксенофонт специально выделяет острова и приморские материковые города как два отдельных разряда (III. 4. 28; IV. 8. 1, 12). Но при этом и жители островов, и обитатели прибрежных городов Малой Азии трусливы и готовы бросить оружие при первом удобном случае, в чем мог убедиться спартанский полководец Деркилид во время военных действий против персидских сатрапов в Малой Азии (III. 2. 17).

В большинстве случаев Ксенофонт под «островами» понимает острова греческого архипелага, ранее входившие в Афинскую архэ (IV. 8. 1, 7, 12, 14, 15; V. 1. 2, 23; VI. 2. 12), причем близлежащая к Афинам Эгина к ним не относится (V. 1. 23). То, что под «островами» Ксенофонт понимает именно острова Эгейского моря, подтверждает пассаж из третьей книги «Греческой истории». Фиванский посол в Афинах, объясняя изменение внешней политики своего полиса, заявляет: «Мы теперь не за островитян и сиракузцев ... а за самих себя» (III. 15. 14). Таким образом, для Ксенофонта сиракузцы – не «островитяне», во всяком случае в политико-географическом значении этого слова. В «Греческой истории» политическое восприятие островов преобладает над чисто географическим.

Это особо подчеркивается текстом Анталкидова мира, который Ксенофонт цитирует, очевидно, по официальному документу. В данном документе проявляется иное, негреческое восприятие островов, и оно резко контрастирует с остальным текстом сочинения Ксенофонта: «Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Азии, а из островов – Клазомены и Кипр. Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые по-прежнему остаются во власти афинян» (V. 1. 31, пер. С.Я. Лурье). В этом тексте происходит смешение понятий «остров» и «полис», что подчеркивает его негреческую основу.

Наконец, в «Греческой истории» Ксенофонта содержится важный пассаж, свидетельствующий о переоценке военно-политической роли островов. Неудивительно, что призыв опираться на материковые, а не на островные владения вложен в уста Полидаманта, посланника фессалийского правителя Ясона, который передал спартамцам слова последнего о возможности создания крупного континентального союза греческих полисов, ядром которого могла бы стать Фессалия: «Затем наша казна будет иметь гораздо большие доходы: нам не придется рассчитывать на какие-то островки ($\mu\eta\ \epsilon\iota\varsigma\ \nu\eta\sigma\upsilon\beta\eta\rho\iota\alpha$), мы будем облагать данью народы материка... Персидский царь – богаче всех людей на свете, и это потому, что он извлекает свои доходы не с островов, а с материка» (VI. 1. 12, пер. С.Я. Лурье). Противопоставление материка островам в рассматриваемом пассаже проявляется особенно отчетливо, и не случайно Ясон – правитель равнинной Фессалии – употребляет пренебрежительное «островки». Вообще речь Полидаманта – важный знак геополитической переориентации греческого мира. Материковые владения становятся важнее островных. Опираясь на острова, не завоеуешь Персию, а, став господином береговой линии Восточного Средиземноморья, Александр Македонский и заставил сдать финикийский флот, и подчинил острова.

Как же возник «имперско-геополитический» взгляд на острова, свойственный как Фукидиду, так и его современникам?

Можно предположить, что афинян с давних пор одолевала зависть к островитянам, самой природой огражденным от сухопутных вторжений неприятеля: напомним хотя бы о вражде с мегарцами за Саламин, а также о ненависти к эгинцам, которая побудила афинян принять предложение Фемистокла и построить большой флот (Геродот, Фукидид). Сам вид защищенной морем и процветающей Эгины, которая хорошо видна с афинского Акрополя, должен был побуждать афинских граждан к решительным действиям. Это ведь даже не Карфаген, который отстоял от Рима на добрые семьсот километров! Напоминаний не требовалось. И, как только Афины стали ведущей морской державой в Эгейском бассейне, задача подчинения островов должна была стать на повестке дня афинской политической жизни. Так и случилось, и афинские союзники-островитяне – пусть и не совсем добровольно – должны были подчиниться Афинам.

Труд Фукидида дает множество примеров захвата афинянами островов и расправы с островитянами: афиняне под предводительством Кимона захватили остров Скирос, продали его жителей (долопов) в рабство и заселили своими колонистами (I. 98. 2)³¹; изгнали эгинцев с женами и детьми с их острова (II. 27); захватили необитаемый остров Аталанту (II. 32); расправились с восставшими митиленцами (см., например, речь Клеона – 3. 39. 2); совершили поход на остров Миною, что напротив Мегар (III. 51. 1); произвели очищение Делоса (III. 104. 1–2) и т.п. Образцовый пример подобной точки зрения дает мелосский диалог (V. 97 и др., см. выше).

Наконец, у афинян возникает желание отгородить Афины от суши и, напротив, связать с морским побережьем и с портом Пиреем Длинными стенами. Как известно, по инициативе сначала Фемистокла, а затем и Перикла этот грандиозный замысел был осуществлен, и Афины превратились в некое подобие острова. На «псевдоостровном» положении Афин основывалась выработанная Периклом стратегия ведения Пелопоннесской войны, и в «Истории»

³¹ Впрочем, та же судьба постигла и жителей города Эйон на Стримоне (*Thuc.* I. 98. 1).

Фукидида Перикл увещевает своих сограждан: «Подумайте, если бы мы были бы островитянами (εἰ γὰρ ἦμεν νησιῶται), кто тогда мог бы одолеть нас? Поэтому нам уже теперь следует как можно яснее мысленно представить себе такое положение, при котором нам придется покинуть нашу землю и жилища, ограничиться обороной города и войной на море и не вступать в порыве гнева в бой с превосходящими сухопутными силами пелопоннесцев» (I. 143. 5, пер. Г.А. Стратановского, с изменениями). Очевидно, подобные вопросы обсуждались в афинском обществе (см., например, Ps.-Xen. Ath. pol. II. 2; 13–16). Афинянам вскоре после начала Пелопоннесской войны пришлось на собственном опыте испытать преимущества и недостатки островного положения: «Выслушав речь Перикла, афиняне последовали его предложению и принялись вывозить с полей жен, детей и домашнюю утварь и даже уничтожали деревянные части домов. Овец и вьючных животных они переправили на Евбею и на соседние острова» (II. 14. 1).

Представление об Афинах как об островной державе оказало заметное влияние на самосознание афинских граждан. На этом представлении основывались многие военно-политические решения афинян в период Пелопоннесской войны. И только после поражения (и соответственно ослабления) Афин начинается постепенное ослабление «морской» составляющей полиса.

«Имперское» отношение к островам в силу определенной инерции общественного сознания сохранялось в Афинах еще некоторое время после падения архэ. Недолговечное существование второго Афинского морского союза, борьба Афин за последние подвластные им острова – тому подтверждение. Но происходят существенные изменения, которые отразились и в речах ораторов, и в сочинениях Ксенофонта.

Геополитические установки и представления могут казаться непреходящими, даже вечными. Но с исчезновением мира враждующих греческих полисов греки попытались, наконец, получить удовольствие от островов. Острова стали любимой темой парадоксографов – описателей катастроф, местом локализации утопий. Пропась, и не только хронологическая, отделяет Лесбос эпохи репрессий Клеона против митиленцев от Лесбоса, на котором разворачивается действие «Дафниса и Хлои». Острова как объекты геополитики исчезли в морской пучине, подобно платоновской Атлантиде, и на их месте возникли совершенно другие острова, которые стали местом почетной, а иногда – и предсмертной ссылки. Но это уже совсем другая история – римская.

POLITICAL GEOGRAPHY OF CLASSICAL ATHENS: THUCYDIDES AND HIS CONTEMPORARIES ON ISLANDS AND ISLANDERS

S. G. Karpyuk

The author undertakes a study of the concept of island in the work of Thucydides and his contemporaries. The problem is how and to what extent Athens' «sea» orientation of the 5th c. BC affected the psychology of the Athenian community and the Athenian's views of their geo-political position.

Aristophanes, who was especially sensitive to the mood of the Athenian community during the Peloponnesian War, regarded the islands as a part of the Athenian sea power (*arche*), «island» thus being for him synonymous with «polis-member of the Athenian Empire». As for Thucydides, when he speaks of war and political realities of his time, political geography supplants physical one. The peninsula of Pallene is treated by him as an island, and Sicily is described as if it were a continent. For Thucydides, as well as for other Athenian writers of the

5th and 4th c. BC. «islanders» were primarily inhabitants of the Cyclades constituting the fifth tribute area of the Athenian *arche*. In a wider sense the word applies to all the islands (and not only islands) allied with Athens, i.e. all the subjects of the *arche*. In this respect Aristophanes goes even further than Thucydides: for him, «islander» is a synonym for «ally» in general, and Athens is one of the «islands». The anonymous (Pseudo-Xenophon's) *Athēnaion Politeia* (contemporary with Thucydides), discussing advantages and disadvantages of insular and continental location of a state, inevitably treats Athens and Piraeus (connected by the Long Walls) as a sort of island.

How can this «imperial» «geo-political» view of the islands in Thucydides and his contemporaries be accounted for? One may suppose that Athenians had long envied islanders, naturally protected against invasions from land. It would be enough to recall their struggle with Megara for Salamis or their hatred for the Aeginians, which made them adopt Themistocles' proposal and build a big navy (Herodotus, Thucydides). The very sight of prosperous Aegina protected by the sea and very well seen from the Athenian Acropolis could not but urge the Athenians to take decisive measures. As soon as Athens became the leading sea power in the Aegeis, the task of subjecting the islands became the first item to be put on the agenda. When it was, the allied islanders had to submit to Athens, sometimes not on quite voluntary lines. Obviously, Thucydides and the contemporary authors (Aristophanes, Pseudo-Xenophon), as well as common Athenians, came to see the inhabitants of the Archipelago primarily as subjects of the Athenian Empire, and thus the word «island», besides its common geographical meaning, acquired a geo-political (or politico-geographical) connotation.

The author concludes that in democratic Athens of the 5th c. BC its notional geographical self-positioning, i.e. the view of Athens as of a sort of island (or quasi-island) in the head of the island sea power, had a considerable impact upon the Athenians citizens' consciousness. Many a decision was made by them on the basis of this idea during the Peloponnesian war. Only after the defeat of Athens (and therefore, after its weakening) did this approach begin to be revised.